

АЛЬ-ФАРАБИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ АЛАШ: (IX – середина XX вв.)

**Муканова Гюльнар,
кандидат исторических наук,
профессор КазНУ им. Аль-Фараби**

Историография фарабиеведения ныне дополнена, в силу вновь открытых фактов упоминаний об Учителе в творчестве и публицистике казахской интеллигенции Алаш задолго до официального возвращения наследия мыслителя в отечественную академическую антологию. Как удалось выяснить, истоки информации об уроженце средневекового Отрара черпались казахскими передовыми лидерами общественного мнения в зарубежных справочных и энциклопедических изданиях.

До революции имя аль-Фараби вошло в зарубежные энциклопедические и справочные издания изначально как «средневекового арабского мыслителя». Так, в знаменитой Encyclopaedia Britannica в конце 19 – начале 20 века Учитель записан согласно арабской транскрипции как *алфараби* слитно и с маленькой буквы. В Словаре Брокгауза и Ефрона (изд. 1890-1907 в Санкт-Петербурге) дана следующая справка: «*Альфараби* (слитно) (Мохаммед бен-Торхан Абу-Наср) - арабский ученый († в 954 г.), одним из первых ознакомивший арабов с сочинениями Аристотеля. Он преподавал в Багдаде и Алеппо».

Немецкие ученые на рубеже 19 – 20-го веков проявляли интерес к трудам средневекового философа из Отрара. Известна целая серия книг-переводов философских и политологических трактатов Фараби на немецкий язык, 1890 – 1904 гг.:

Alfarabi's Philosophische Abhandlungen Aus Londoner, Leidener Und Berliner Handschriften. Friedrich Farabi & Dieterici - 1890 - E.J. Brill.

Alfarabi's Philosophische Abhandlungen. Friedrich Farabi & Dieterici - 1892 - E.J. Brill.

Alfarabi's Philosophische Abhandlungen. Aus Dem Arabischen Übersetzt von Dr. Fr. Dieterici. Friedrich Heinrich Farabi & Dieterici - 1892 - E.J. Brill.

Alfarabi's Abhandlung der Musterstaat. Friedrich Farabi & Dieterici - 1895 - Brill.

Der Musterstaat. Aus Dem Arabischen Übertragen von Friedrich Dieterici. Voran Geht Die Abhandlung: "Über den Zusammenhang der Arabischen Und Griechischen Philosophie". Friedrich Heinrich Farabi & Dieterici - 1900 - E.J. Brill.

Die Staatsleitung von Alfarabi Deutsche Bearbeitung Mit Einer Einleitung "Ueber Das Wesen der Arabischen Philosophie". Friedrich Farabi, Paul Dieterici & Brönnle - 1904 - Brill.

Все эти переводы увидели свет в Лейдене в издательстве E. J. Brill, автором их был Фридрих Дитерихс (1850-1905) - немецкий востоковед-историк, профессор кафедры арабской литературы и истории Берлинского

университета. Эта серия переводов стала основой для переводов на русский и другие языки мира, что продвинуло имя и научные заслуги Фараби в академической среде Евразии. Соответственно, в «Музыкальном словаре» Г.Римана под редакцией Энгеля (Москва-Лейпциг, 1896 г.), являвшегося переводом с 5-го немецкого издания Б.Юргенсона, есть краткая справка «Эль-Фараби», которая отсылает читателя к справке «*альфараби*».

В престижном издании «Еврейская энциклопедия» 1908-1913 годов *Альфараби* также присутствует в слитном написании, но уже с большой буквы как «истинный философ и арабский интерпретатор Аристотеля», в контексте философии Ибн-Дауда (12 век), бывшего предшественником Маймонида. По-прежнему Фараби идентифицировали пока что не как среднеазиатского, а арабского философа.

После того как ирландский музыковед и арабист Генри Джордж Фармер (1882-1965), окончивший факультет восточных языков в Университете Глазго, приступил к написанию книг об арабском музыкальном влиянии на европейскую музыкальную традицию и исламское наследии в теории музыки, (см. Farmer, H. G., 'Greek Theorists of Music in Arabic Translation', Isis 13, 1929-1930), проявился интерес к трактату Фараби «Большая книга музыки» (Китаб ал мусика ал-кабйр) - уникальному по своей значимости источнику эпохи арабо-мусульманского Ренессанса. По своим масштабам (около двух тысяч страниц) «Книга» превосходит многие сочинения о музыке, написанные до и после ее выхода.

В ходе многолетних исследований Генри Фармер пришел к сенсационному выводу (1932), что «Учения и сочинения арабского и / или мозарабского теоретиков музыки оказали влияние на теорию музыки Западной Европы. В практическом искусстве менестрели средневековья переняли не только инструменты арабов, такие как лютня ('ud), ребек (rāb), гитара (kaithār) и другие, но и музыкальные устройства исполнителей». Ирландский востоковед путем сопоставления вывел ось преломления теории музыки Фараби с последующими музыкальными традициями народного искусства исполнения баллад и эпических текстов в 12-15 веках в Шотландии, Ирландии и Уэльсе (менестрели). В кельтской музыкальной культуре таким образом, по Фармеру, имеются отголоски того мелоса и инструментария, которые систематизировал «арабский» автор Фараби.

Безусловно, концепция музыки, принадлежавшая Абу Наср Мухаммаду ал-Фараби, привлекла к личности сочинителя внимание интеллигенции. О Книге заговорили и в Крыму, Поволжье, центральной части Российской империи. «Музыка - высшее в мире искусство», писал Лев Толстой. Между тем, будущий великий русский писатель в 1844 году поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета (затем, правда, перевелся на юридический). На студенческой скамье, будущий классик русскоязычной литературы учил арабский и тюркские языки под руководством известного востоковеда Мирзы Казимбека (1802-1870). Следует помнить, что Мирза Казембек, считающийся по праву основателем российской (казанской) школы востоковедения, издал в 1859 году в Санкт-

Петербурге «Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги». Заболев в пути, Казембек остался преподавать в Казанском университете волею случая в 1826 году, по дороге в Омск, куда был направлен в качестве преподавателя и татарского языка. Очевидно, если бы не обстоятельства, ученый-востоковед Казембек вполне мог бы стать наставником юного Шокана Уалиханова, который был принят в 1847 году в Омский кадетский корпус...

Возвращаясь к Толстому, уроки Казембека не прошли бесследно: в начале XX столетия Лев Николаевич интересовался бахаизмом в Персии вел переписку с муфтием Египта Мухаммадом Абдо, известным мусульманским деятелем так называемого Реформаторского направления.

Метакомпетенции и уникальные коммуникативные способности автора трактата о добродетельном городе пережили века, преломляясь в культурах народов Торы, Библии, Тенгри и аль-Корана, мировоззрениях носителей разных убеждений. Фараби не случайно считают «своим» во всей Центральной Азии: от Синьцзяна и Самарканда, Сырдарьи до Памира.

Труды Фараби вошли в круг чтения учащихся мусульманских медресе, в которых получали образование будущие лидеры Алаш. Примечательно, что тюркские интеллигенты четко идентифицировали происхождение мыслителя, считая его своим соотечественником.

По мнению специалистов, первые учебники по алгебре и геометрии (Есеп курал, первое издание 1914 года), к написанию и изданию которых имел отношение Миржакып Дулатов, были разработаны на основе математического метода аль-Фараби. Пособия по решению математических задач Дулатова увидели свет и в период 1922-1928 годов, когда наркомат просвещения Казахской республики возглавляли Ахмет Байтурсынов, Смагул Садвокасов, а сам Дулатов работал в составе Акцентра при наркомпросе (г.Оренбург).

Ученик М.Дулатова и близкий друг, казахский поэт, эрудит и интеллигент Магжан Жумабаев посвятил аль-Фараби как тюркскому теоретику музыкально-инструментального искусства, полные вдохновения и признательности, проникновенные строки в поэме «Туркестан» (датируется не позднее 1921 года):

- Түріктің кім кеміткен музыкасын,
Фараби тоғыз ішекті домбырасын
Шерткенде тоқсан тоғыз түрлендіріп,
Жұбанып, кім тыймаған көздің жасын?!

Имя Фараби в XX веке стало эталоном общетюркской и национальной гордости, именно об этом говорится в стихах Магжана. Характерная деталь: Магжан идентифицирует тюркское происхождение Фараби, описывая его игру на домбре посредством нумерологии, ввода цифровых символов «9» и «99»... По мнению специалистов, у тюрков сакральная цифра «9» символизирует мужчину и верхний мир, цифра же «99» относится к числам со священными, сакральными и магическими значениями. Собственно мусульмане 99 раз обращаются к Пророку в поисках духовной гармонии.

Число «99» означает совершенство, так поэт выразил восхищение к Учителю Востока.

Поэт Олжас Сулейменов ухватил характерные черты философов средневековья: «Омар Хайам писал пространные математические трактаты, может быть, поэтому ему так удавались в конце жизни четырехстрочные рубай – стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были – поэты или ученые?» Многогранность в единстве.

Издание в Европе (Германия, Великобритания, Франция, Испания) на рубеже 19-20 веков переводов из трактатов Фараби по философии, музыкальной грамоте и инструментам вызвало большой положительный отклик в среде тюркской интеллигенции. Европейские исследователи признавали реальное влияние трудов аль-Фараби на последующее развитие наук, и если вначале это преподносилось как исключительный феномен в лице «арабского» (читай «мусульманского». – Г.М.) мыслителя Фараби, то со временем последующие научные издания отмечали филигранную интеллектуальную работу Второго Учителя, сумевшего соединить древнегреческую теорию с реалиями Востока.

Арабисты и музыковеды Франции также обогатили сокровищницу мирового искусства, присуттив к переводам трактатов средневекового исследователя природы музыки. К примеру, первый том (вышел в 1930 г.) шеститомного труда Р.Эрланже «Музыка арабов» является переводом на французский язык двух книг «Большой книги музыки» аль-Фараби. Второй том (вышел в 1935 г.) шеститомного труда Р.Эрланже «Музыка арабов» является переводом на французский язык третьей книги «Большой книги музыки» аль-Фараби. После окончания Второй мировой войны, Французским институтом был издан в переводе на французский трактат Фараби «Нравы жителей добродетельного города» (1949).

Историография темы необъятна, ведь трактаты Фараби увидели свет на языках мира (ООН): немецком, арабском, испанском, английском, французском, еврейских, китайском, русском и т.д.

В «Большом трактате о музыке» описывается происхождение музыкальных инструментов и ладов, особенности каждого инструмента, способы усовершенствования. В нем упоминаются сыбызгы, домбыра, сырнай, керней, кобыз, канун, уд, цимбал (чанг), тамбур, рабаб, ударные инструменты – дабыл (барабан), дангыра (бубен). Аль-Фараби говорит о бытовании у тюркоязычных племен семиструнной арфы. Особого внимания заслуживают сведения о духовом инструменте кыпчак, который в других трудах не упоминается. Все эти инструменты аль-Фараби считает искусственными, называя естественным инструментом человеческий голос.

В числе современных комментаторов музыкального трактата аль-Фараби встречается мнение автора из КНР, этнического уйгура Abdushukur Muhemmet Imin, который относит изобретение ряда инструментов уйгурами к 4 веку н. э.; китайские музыковеды склонны делать акцент на тюркском происхождении аль-Фараби и Ибн-Сины.

Аль-Фараби пишет о происхождении щипковых музыкальных инструментов и наиболее древнем из них, арфе. По его утверждению, арфа появилась из лука и имела всего две струны. Далее он упоминает о двухструнном кылкобызе, обращая внимание на лукообразный вид инструмента. Аль-Фараби, рассматривая развитие музыкальных инструментов, говорит об увеличении струн на арфе до 13, о появлении на щипковых инструментах резонаторного корпуса, колков, грифа, ладов. Происхождение духовых инструментов аль-Фараби связывает с природными звуками, возникающими от ветра, приводящего в колебание воздух в стеблях различных растений. Наблюдая за явлениями природы, люди сами стали извлекать звуки вдуванием воздуха в стебли. У многих народов имеются легенды, в которых говорится о подобном появлении сыбызгы, наия и т. д.

Географическая локация Степи и трассы Шелкового пути позволили в домонгольский период тюркскому фонетическому пространству достичь крайних пределов на востоке и западе материка, уйти на север до Ледовитого океана и запечатлеться в топонимике Поволжья, Кавказа и Крыма. В сопоставительном ключе учение Фараби более конкретно; если в китайской философии присутствует дао («путь») как осевая универсалия, то у уроженца Отрара обозначена цель этого пути – «счастье».

Интерес в Европе к наследию ученого-философа набирал беспрецедентный характер к началу 1930-х годов. Так, в Мадриде (Испания) в 1932 году в издательстве Эстанислао Маэстре увидел свет «Научный каталог», в котором редакторы Анхель Гонсалес Паленсия и Херардо, да Кремона привели сведения об аль-Фараби и его трактате «Классификация наук».

Культурное и научное наследие Второго Учителя было известно, пусть не в полном объеме, молодым казахским приверженцам Алаш, твердо убежденным в пользе просвещения народа и синергии восточных и западных культурных достижений.

Оказавшись в политической эмиграции в Европе, другой казах, Мустафа Шокай был свидетелем чудовищной идейно-пропагандистской кампании нарождающегося фашизма. Вермахт использовал в политических целях любые средства, вплоть до фальсификации наследия мыслителей Востока. По особому заданию Гитлера, часть европейских ориенталистов были нацелены на интерпретацию философии мусульманских мыслителей средневековья, в том числе аль-Фараби, в русле нацистской теории «сверхчеловека». Увидели свет публикации указанного «госказа», на что своевременно отреагировал казахский политический деятель, профессиональный правовед М.Шокай. К его заслуге следует отнести добросовестное и оперативное прочтение известных на тот момент сведений об аль-Фараби и трудов Учителя, а также библиографии фарабиеведов на французском, немецком и английском языках.

Шокай самостоятельно убеждается в непричастности трудов Фараби к идее «сверхличности» и ложности про-нацистской пропаганды. Не удовлетворившись этим выводом, Шокай приступил к составлению записки (на русском яз., 1941 г.), суть которой можно выразить однозначным неприятием посягательств на истину и наследие Второго Учителя, тех

«заказных» материалов, что были опубликованы за подписью ученых. Приходится ныне сожалеть лишь о том, что данная записка, опубликованная посмертно коллегами Мустафы Шокая в журнале «Яш Туркестан», стала известна на Родине борца лишь с обретением Казахстаном Независимости.

Находясь в европейском информационном поле, казахский политик Мустафа Шокай реализовался многогранно: как публицист, правовед, аналитик, коммуникатор. В круг его общения входили известные немецкие и французские ученые, историки и философы. В 1941 году М. Шокай в статье «Туркестан» сделал блестящий анализ книги, в которой упоминалась модель «добродетельного города» аль-Фараби.

Актуальность темы конгруэнтности вероисповедания и мировоззрения, поиска идеала и - насилия, терроризма, очевидна. Человеческая мысль чрезвычайно виртуозна. В условиях глобализации политологи нередко прибегают к оправданию экстремизма, отыскивая корни проблемы в конкретной вере. Опасное геопротивостояние порой используется для обвинений, к примеру, мусульманской уммы в агрессивных тенденциях. Такой избирательный подход вызывает закономерное негодование со стороны здравомыслящих лиц.

История XX столетия для казахской национальной интеллигенции является весьма поучительной. Передовая элита Центральной Азии взяла на себя бремя ответственности за судьбы национального государства. Оказалось, что в защите от нападков нуждается даже интеллектуальное наследие, а именно: учение средневекового философа тюркского происхождения аль-Фараби о добродетельном городе.

Оказавшись в вынужденной эмиграции в Европе, казахский политик Мустафа Шокай сумел проявить себя как выдержанный коммуникатор и популяризатор тюркского культурного наследия, в частности аль-Фараби. Он поддерживал дружеские связи с различными социальными слоями, редакциями СМИ, в круг его общения входили известные французские ученые, историки, философы.

Страницы жизни и борьбы казахского эмигранта Мустафы Шокая стали доступны при изучении его личного архива. Безусловно, знания европейских языков и неподдельный интерес позволили Шокай М. ознакомиться с трудами по философии и, в частности, современной ему интерпретации роли, зарождавшегося на его глазах, фашизма. Так, в поле его зрения попала книга исследователя барона Карра де Во, в которой автор (не очень корректно) сделал ссылку на учение аль-Фараби, как на приверженца ницшеанства. Более того, К. де Во проводил параллель между идеальным обществом аль-Фараби и – «сверхчеловеком» немецкого философа Ницше.

Известно, что в тот исторический период потребовалась защита (апология) собственно роли исторической науки. Французский историк еврейского происхождения, совместно с Люсьеном Февром учредивший журнал «Анналы» (1929), один из основателей одноимённой школы, произведшей переворот в исторической методологии, Марк Блок написал труд «Апология истории», значение которого актуально до сих пор. Примерно ту

же интеллектуальную задачу решил Мустафа Шокай, оказавшийся в эпицентре европейского политического процесса.

В условиях фашистской агитации, в преддверии мировой войны, такие скользкие намеки сразу подхватывались заинтересованными сторонами и могли «работать» на вермахт. (Современные исследователи ислама выделяют ответвления, пропагандирующие экстремизм. Было бы печально, если они станут искать корни явления в учениях неоплатонистов. К сожалению, в годы «холодной войны» данная тенденция даже поощрялась, что уводит науку от истины).

Как профессиональный юрист (выпускник Санкт-Петербургского университета), борец за истину, Мустафа Шокай сразу заметил двусмысленность и выразил свое отношение к опубликованному. Его записи, датируемые 1941-м годом, позднее увидели свет в журнале «Яш Туркестан», на русском языке. Его друзья и соратники посмертно издали статью под заголовком «Туркестан» Шокай М. в декабрьском номере 1949/1950 гг. журнала, в честь 60-летия казахского борца за освобождение его Родины.

Благодаря этой публикации, лишний раз подтверждается, как горячо защищал Шокай культурное наследие тюрков и насколько ясно он предвидел опасность фашизма и расизма. Другой урок истории: знание иностранных языков, которое распахивает двери в большой мир, помогает выстроить четкую траекторию развития для индивидуума. Эта аксиома очевидна на примере жизни замечательных выходцев из Центральной Азии, от аль-Фараби до Шокай М.

Статья «Туркестан» состоит из двух частей, в первой разъясняется географический и этнополитический смысл понятия «Туркестан», место региона во всемирной истории. Шокай пишет: «В древности Туркестан был ареной величайших исторических событий. С ним связаны воспоминания о древних государствах как Бактриана, Трансоксания, Согдиана, Парфия... Через Туркестан совершались великие переселения народов... Отсюда прошли гунны, турецкое происхождение которых ныне считается уже установленным. В различные эпохи в нем разыгрывалась деятельность таких величайших героев истории как Кир, Ксеркс, Александр Великий, Чингисхан, Тамерлан, Надир-Шах...».

Далее Шокай обращается к личностям, оставившим заметный след в интеллектуальной истории края: «Родина и колыбель турок суннитско-мусульманский Туркестан, впитавший весьма значительное влияние шиитского Ирана, дал общемусульманской культуре и науке ряд блестящих имен. Назовем среди них наиболее крупных и имевших влияние на развитие научной мысли в Европе».

В статье Шокаем М. гордо названы имена: Аль-Хорезми Мухамед, Фараби Абу-Наср, Ибн-Сина Абу-Али, Улугбек, Бурхан-ад-Дин Маргинани, Мухаммед-ибн-Исмаил Бухари, Султан Бабер (Бабур). В краткой характеристике автора древнейшей теории математики Аль-Хорезми Шокай ссылается на публикацию советского тюрколога и ираниста Е.Э. Бертельс.

Обратимся к жизнеописанию аль-Фараби, - исследователь практиковался в естественных и гуманитарных науках, сумел аутентично передать результаты научных поисков, в переложениях на разные языки. Труды аль-Фараби известны в европейском информационном поле, благодаря переводам на французский язык, в частности.

Выходец из Туркестана, политик и правовед Мустафа Шокай, оказавшийся в Европе вследствие политической эмиграции в начале 20 века, был хорошим аналитиком. Современные ему книги он внимательно изучал. Так, с большим удовлетворением он узнал о том, что французский исследователь-арабист барон Карра де Во взял на себя труд, в 1920-е годы, издания энциклопедического 5-томного труда «Les Peaseurs de l'Islam» («Мыслители ислама»). Им были собраны сведения о мусульманских ученых, в числе которых есть данные об аль-Фараби и его трактате об идеальном городе «La Cite Modele» (vol. IY).

Карра-де-Во, Бернар (барон Carra de Vaux) - французский востоковед-ориенталист, один из основателей «Orient chrétien»; род. в 1867 г.; профессор арабского языка в католическом институте в г. Париж.

Как отмечалось выше, второе десятилетие XX века было пронизано угрозой фашизма, а опасная тенденция присутствовала и в научной полемике. Не избежал этого и барон Карра де Во, проводивший аналогию с выводами Ницше и трактатами средневековых философов.

По-видимому, знакомый с сутью учения аль-Фараби, Мустафа Шокай смело выступил в защиту тюркского мыслителя. Если барон Карра де Во пишет: «имеются, странным образом приближающиеся к некоторым совсем недавним концепциям Ницше, мысли о роли насилия и силы в обществе», то Мустафа Шокай не соглашался с таким определением.

Мустафа Шокай прямо пишет: «отношение к силе и насилию и оценка их роли в обществе у Фараби совсем иные, противоположные, чем у немецкого философа. Если для Ницше добро - то, что позволяет высшей касте господствовать над низшей, «сверхчеловеку» над обыденными людьми, то для Фараби насилие и сила есть ни что иное, как «болезнь жестокости в человеческой философии», и суждение свое об этом автор «Идеального града» помещает в особой главе о градах несовершенных – «Lez cites imparfaites».

В целом, в первой половине 20 века в европейском философском дискурсе проявился небывалый интерес к тюркской науке и ее достижениям. Как известно, в 1930-1932 гг. в Париже был опубликован перевод на французский язык первой части труда аль-Фараби «Большая книга о музыке», осуществленный г-ном Эрланже.

Таким образом, Ренессанс тюркской философии в евразийском пространстве имел место. Образы идеального социума-города в трактате выходца из Отрара, оказывались близки европейскому интеллектуальному сообществу; они противостояли нацистским фетишам. С другой стороны, по приказу Гитлера, шли неустанные поиски обоснования нацизма посредством восточной мистики и теологии, и это в некотором смысле стимулировало ориенталистику.

Сказалось ли влияние Шокая и других алашевцев на популяризации наследия тюрков, ответ на поверхности. Между тем, эпистолярное наследие (переписка) М.Шокая с французским ученым Жозефом Кастанье, служит прямым доказательством перманентного информационного обмена казахского интеллектуала с европейскими коллегами.

В межвоенный период в Европе возлихли посе́вы идеологии «превосходства» белой арийской расы, которые подпитывали германский и итальянский фашизм. Так, в ход пошли рассуждения Ницше, которые идеологи национал-социализма умышленно тиражировали. Искусственно был оживлен интерес к мистицизму – отсюда, увлечение Востоком (ориенталистика) и восточной философией. Этим объясняется интерес европейских культурологов к средневековым рукописям: барон Карро сопоставлял христианское учение и исламом, его внимание привлекли труды тюркского философа аль-Фараби.

Признавая заслуги Карро в популяризации учения аль-Фараби, Мустафа Шокай вступил в дискуссию. По его мнению, при рассуждениях о значении «модели добродетельного города» у аль-Фараби важно не допустить мультипликации ложных трактовок. Шокай был твердо убежден, что у аль-Фараби не может быть ничего общего с сверхчеловеком и сверх расой, идеями Ницше.

Эти доводы демонстрируют глубокий интерес М.Шокая к истории философии. Безусловно, М. Шокай выступает в привычной ему роли, как правозащитник. Тот факт, что Шокай отрицает ницшеанские идеи у аль-Фараби, ясно говорит в пользу того, что он не принимал расизм. Косвенно это служит доказательством непринятия им фашистской идеологии, ведь статья написана в 1941 году, когда отчетливо были ясны цели Гитлера. Если бы не архив Шокай М., об этом факте ренессанса восточной философии в Европе, соотечественники не знали бы еще долго об этом геройском поступке.

Очевидны многосторонние способности Шокая М. – он владел французским, немецким языками, следил за академическими изданиями, был в курсе дискуссий вокруг культурного и научного наследия Туркестана. Следовательно, единственный из казахов-эмигрантов, М.Шокай отводил время для академических занятий. Его занимала тема – взаимодействие «Европа и Азия», «Запад – Восток», поиск нравственного начала философами прошлого.

Евразийство, интерес к теме идеального общества и сверхчеловека – как аксиома, нравственное совершенство, идентификация были интересны для М.Шокай. Он предстаёт не только как политик, публицист, но и мыслитель и идеолог.

Данный исторический эпизод имел продолжение в последующей историографии темы аль-Фараби. Историография темы «Ислам и экстремизм», «Идеальная модель общества» позволили выявить интересную тенденцию, - в средние века, если верить исследованиям М.Мооса (NY1988), некоторые ответвления в исламе отличались воинственностью. На фоне этих исторических данных, еще более миролюбивой представляется идеальное

общество-город аль-Фараби. Его учение, относимое рядом зарубежных ученых к «утопиям», вполне могло в тот момент создано в качестве примера для подражания и образцом для того, чтобы спасти мусульман и представителей других верований, от агрессии.

Словом, труды аль-Фараби все еще волнуют ученых и заставляют вновь и вновь к ним обращаться – в поисках истины и альтернативы. Даже сегодня в XXI веке, миролюбие тюркской ментальности ставит ее на достойную высоту.

Зарубежные исследования наследия аль-Фараби рубежа XX-XXI веков культивируют мнение, что неоплатонизм Фараби имеет расхождения с ортодоксальным Учителем. Современные ученые объясняют это тем, что тюркский философ был приверженцем ислама: «Abu Nasr Muhamad Al-Farabi is known as the founder of Islamic Neo-Platonism. He has not been well studied and his political theory is not well known. It is therefore essential to study al-Farabi and compare his theory with the one propounded by Plato. This study found many similarities between the two philosophers, but it also found that al-Farabi has taken stand on several issues which is not in conformity with the opinion held by Plato in his Republic. It has to do with the fact that al-Farabi was a Muslim and his theory bears clear evidence of his adhering to Islamic tenets and principles».

Мессианские ожидания преследуют человечество, - к этому выводу приходят американские исследователи послевоенного периода. Имеется высокая оценка места аль Фараби в интеллектуальной истории Средних веков (Хаммонд, 1947): “Al-Farabi, who died ca. 950 A.D., was a brilliant Arab scholar, scientist, music theorist, and theologian”.

Этот же вывод репродуцирован в книге Полак Ф. (1973): «Paradise and the Golden Age are in this way transplanted from prehistory to the final stage of man, who dreams not so much of his beginnings as of his end. The products of this work of the imagination are highly diverse: philosophies and historical images, replete with ready-made meanings; ethical images, typified by the charismatic figures of Socrates and Jesus; socio-political images, such as Plato's Politeia or al-Farabi's Model City and religious images that give form and substance to messianic expectations».

Тема добродетельного города аль-Фараби нередко упоминается в контексте сравнительных исследований, в частности трудов арабских ученых, Bishop Mor Gregorius Bulus Behnam (1914-1969), которого в свою очередь изучают современные сирийские востоковеды (Matti Moosa, 2014).

Матти, Мооса – известный сирийский ученый, историк ислама (США), автор монографии об экстремизме в средневековом исламе (1987). Он довольно критичен в отношении «умного города» аль-Фараби, но признает существование такового трактата, когда пишет: «In this same century, the philosopher Abu Nasr al-Farabi (d. 950) flourished and offered us a true picture of his political ideas in Ara' Ahl al-Madina al-Fadila (Ideas of the Inhabitants of the Virtuous City). Behnam says that al-Farabi reiterated many of Plato's ideas in a new garb greatly distant from those of revealed religions. Strangely, he did not mention Plato's radical ideas whether good or bad. Nevertheless, his virtuous city is a utopia

which does not exist on this earth. In fact, if such city would ever exist, the earth would become a paradise and the people holy angels».

Подводя итоги текстологического анализа, подчеркнем, что ранее малоизвестная статья Шокая М. «Туркестан» (1941), в которой упоминается учение аль-Фараби, вводит новые факты в научный оборот. Казахский полиглот XX века уверенно владел фактами из интеллектуальной истории Туркестана ранних периодов настолько, что легко оперировал философскими категориями, наравне с маститыми учеными Европы.

Так искусно переплелись теоретические изыскания уроженцев Центральной Азии, средневекового мыслителя, казахского политического деятеля-правоведа и публициста, а также французских культурологов, арабистов. Шокай Мустафа – многогранная и до конца не оцененная личность. Помимо политической борьбы, он взял на себя задачу популяризации наследия предшественников, с гордостью причислявших себя к тюркоязычным (ат-тюрки) творцам.

Идеи проектирования «smart city» сегодня актуальны по отношению к разным населенным пунктам на планете, в Казахстане. А задумана эта прекрасная модель разумного сосуществования была уроженцем города Отрара, гением аль-Фараби.

Факт апологии учений прошлого, в частности аль-Фараби, которую продемонстрировал Мустафа Шокай, наводит на мысли о необходимости глубокого изучения философии тюрков. К сожалению, в XX веке изучение содержания гуманистического учения туркестанцев отошло на второй план, в угоду сиюминутным запросам «биполярного» мира, а блестящие имена, названные в статье Шокаем М., почти полностью исчезли из школьных учебников.

Если охватить шире обстановку, в которой Шокай взялся за апологию учения Фараби, то в страну Советов понимание этнического происхождения аль-Фараби приходило досадно медленно. Мыслителя по-прежнему относили к «арабским» деятелям, и мэтрам ориенталистики приходилось напоминать о том, уроженцами каких мест они были в действительности. Так, выступая в том же 1941 году с сообщением «Арабистика в СССР за двадцать лет» советский арабист И. Ю. Крачковский обращал внимание на очевидные факты и необходимость расширения географии исследований:

«Нашей арабистике надо помнить, что целый ряд крупных деятелей арабской культуры, писавших по-арабски, вырос в тех странах, которые входят теперь в состав СССР. Довольно назвать философов уроженцев Средней Азии **ал'Фараби и Авиценну**, выдающегося математика, астронома и минералога хивинца **ал-Бируни**, кодификатора арабской риторики ас-Секкаки... До сих пор мы имеем только один опыт в этом направлении — характеристику традиционной арабской литературы в Бухаре, данную В. И. Беляевым (1932). Надо этот опыт углубить и расширить на другие области Союза — Татарию, Башкирию, в особенности Северный Кавказ... При настоящем историко-литературном анализе этих материалов мы получим **новую главу общей истории арабской литературы** — главу, оригинальную

и насыщенную содержанием, не только никем не написанную, но даже никем до сих пор не задуманную». (НВ! Академик Крачковский оставил между тем без внимания степной казахстанский («кочевой») сектор, при перечислении потенциальных зональных экспедиций в Поволжье и Северный Кавказ, игнорируя Отрар). То есть казахстанский регион вовсе «выпадал» из перспективных).

Установить распространение информации о трактатах аль-Фараби в Поволжье, среди татар, откуда она могла проникнуть в пределы казахской Степи, возможно посредством экспертных оценок рукописных фондов. Основную часть татарского рукописного наследия составляют сочинения религиозной тематики (труды ученых-богословов, переводы текстов популярных сочинений на арабском и персидском языках, комментарии к ним), а также литературные произведения социально-бытового и религиозно-дидактического содержания.

В целом же номенклатура сочинений универсальна и охватывает как теологические науки, так естественные и гуманитарные: астрономию и математику, естествознание и медицину, философию и логику, историю и этнографию, грамматику и лексикографию. Судя по сохранившимся образцам рукописной продукции, найденным в местах компактного проживания татар, можно заключить, что здесь были широко распространены сочинения выдающихся мыслителей Востока: **аль-Фараби**, Ибн Сины, аль-Газали, Ибн аль-Араби, Саади, Хафиза и др

Большая коллекция рукописных и печатных книг на арабском языке также хранится в библиотеке бывшего Казанского императорского университета (ныне - Казанский (Поволжский) федеральный университет). Его коллекции создавались известными профессорами-преподавателями 19 в., Таковыми как С.М.Фраен, Г.Н. Ахмаров, А.К. Казем-бек, Н.Ф. Катанов и многими другими. Самая большая и важная часть коллекции включает рукописи и печатные книги 18 - начала 20-го века. Некоторые из них действительно уникальны: среди них есть копии произведений Абу Али ибн-Сины, **аль-Фараби**, аль-Газали, аль-Араби и других арабских и персидских ученых.

Немаловажную роль в возвращении наследия Учителя в Туркестан играли литературный авторитет и дружеские контакты Мухтара Ауэзова. В период декады казахского искусства и литературы 1958 года в Москве Ауэзов сумел увлечь молодого казахского художника Сахи Романова идеей написания художественного портрета аль-Фараби. Десять лет спустя, к тому времени Ауэзова не стало, с внутренним трепетом Романов создал портрет «Аристотеля Востока» - аль-Фараби. В 1968-м году с группой художников Сахи побывал на раскопках Отрара, где прошли юные годы великого ученого, и реализовал идею создать его образ.

Каталогизация арабских рукописей средневековья, осуществленная российскими советскими востоковедами (Беляев, Михайлова, 1961), оставляла гипотетическую надежду, что отложившиеся копии рукописей аль-Фараби принадлежат философу из Отрара, Абу Наср... Фараби. Вместе с тем,

обращает на себя внимание существенная деталь: при ближайшем рассмотрении уроженец Фараба, аль-Фараби, перечисленный среди других авторов арабских рукописей из фондов Института истории Азии носит имя Исхак. (Данная находка косвенно подкрепляет гипотезу профессора А.Дербисали, что ученых выходцев из Фараба было больше, нежели один. В частности, рукописи Исхака аль-Фараби отнесены специалистами к жанру географических, что является дополнительным аргументом в пользу того, что это все же «другой» Фараби...).

Однако, ныне оцифрованные материалы советских востоковедов 1930-х годов вносят элемент новизны в библиографию фарабиеведения СНГ. Так, в статье Ионы Иосифовича Гинцбурга (датируется не позднее 1936 г.) сказано:

«Философия. Имеется все наследие философии испанско-арабского периода в переводах с арабского на еврейский язык: сочинения Иегуды Галеви, Бахии ибн-Пакуда, Авраам ибн-Дауда, Маймонида (Море Небухим, 1363 г.), Герсониды и других позднейших философов в еврейском оригинале. Из греческой философии имеются почти все сочинения Аристотеля (метафизика, Физика, этика, логика и др.), дошедшие до нас в комментариях арабского философа Аверроэса, в древнееврейских переводах и переработке Тиббанидов, Калонимоса, Герсониды и Нарбони, также сочинения арабских философов аль-Кинди, Ибн-ТуФейль, аль-Фараби, аль-Газали и др. в еврейских переводах с комментариями вышеназванных мыслителей, равно сочинение Фомы Аквинского «О душе» в еврейском переводе.» (с. 137) (И. И. Гинцбург. Краткий обзор еврейских фондов Рукописного отдела Института востоковедения Академии Наук СССР // В кн.: Библиография Востока. Выпуск 10. (1936). Под ред. А.Самойловича. Институт востоковедения АН СССР. М.-Л, 1937. с.125-130)

В статье И.И. Гинцбург (1871-1942) приводит ссылки на источники и литературу: К. Залеман. *Judaea-Persica*. Petersburg, 1897, Известия Императорской Академии Наук, 1898, Известия Российской Академии Наук, 1918, Краткая Памятка, Азиатский Музей Российской Академии Наук, Петербург, 1920.

Приведенные Гинцбургом И.И. сведения дают основания расширить источниковедческую базу темы и собственно хронологию российского дореволюционного фарабиеведения.

Что необходимо для построения добродетельного социума, в условиях глобализации? Защищено ли сегодня наследие аль-Фараби от попыток использовать модели идеального общества, в корыстных целях? Как противостоять этому в будущем? Центрально-азиатский регион, верится, еще переживет свой Ренессанс. Межкультурное сближение, на основе интеллектуального процесса, закрепленное полиязычием, гуманистическим мировоззрением, было и будет плодотворно. Важно понимать эту истину и стремиться обогатить свои лингвистические и исторические познания через каждодневный труд, во благо будущего.

Ценность записки М.Шокая о Фараби заключается в научной интерпретации гуманистического ядра учения Учителя, последовательном

развенчании лже-доводов оппонентов и смелой апологии, вопреки идеологической кампании, запущенной фашиствующими кругами Германии. И один в поле воин... Практически в одиночку противостоял казахский политик воинствующему невежеству, встав на защиту Фараби.

Возвращение (частичное) в Независимый Казахстан интеллектуального наследия самого М.Шокая позволило оценить системную работу казахского лидера антисталинской оппозиции по поддержанию научного интереса к Востоку, а если быть точными, - к Туркестану. Шокай не случайно хорошо был знаком с учением аль-Фараби; ведь он состоял в переписке с известными европейскими востоковедами (Кастанье и др.), в тот период вынужденно эмигрировавшими в Америку. Эпистолярное наследие Шокая многогранно, в нем отражаются его интересы в области истории, этнологии, антропологии, политологии... Шокай М. своим аргументированным мнением обозначил отношение к прецеденту от имени всего тюркского мира и, как Гордиев узел, разрешил логическую головоломку.

В послевоенный период интерес к фарабиеведению не угас, напротив, в Каире (1949 год) был издан в переводе на французский язык трактат Фараби «Нравы жителей добродетельного города». Данный перевод Р. П. Яуссена, Юсефа Карама и Дж. Члала вошел в 9-ый выпуск серийного издания «Тексты и переводы восточных авторов». Эти и другие переводы Фараби на европейские языки отражали непреходящий интерес к гуманитарному наследию мыслителя во всем мире.

Вновь открывшиеся исторические факты, часть из которых приведена выше, доказывают, что в дореволюционный период в казахской Степи и за ее пределами высоко чтили имя и научное наследие аль-Фараби, великого уроженца Отрара. Задолго до середины XX столетия, когда с легкой руки президента Академии наук Казахской, тогда еще советской социалистической, республики, Каныша Сатпаева, фарабиеведение на Родине мыслителя средневековья обрело академический системный уровень.

Преемственность нескольких поколений Алаш слышится в строках Магжана и Миржакыпа, Мустафы, с благоговением бережно пронесших через свою судьбу пронизанные светом добродетельности назидания Фараби и полные истинных знаний умозаключения великого философа и человека. Что же именно привлекало лидеров Алаш в творениях аль-Фараби?

Известно, что аль-Фараби в трактате «О правителе» изложил идеальные качества государственного мужа. Гораздо позже Европа познакомилась с другим сочинением, Макиавелли «Государь» (16 век). Схожие по теме и заголовку, оба сочинения кардинально различаются по содержанию и конечной цели: Фараби перечислил морально-нравственные устои и высокие личностные свойства монарха, во благо большинства готового к самопожертвованию, тогда как Макиавелли описывает искусственного ловкача, который лишь гибко приспосабливается к ситуации во имя собственной выгоды и безмятежного нахождения на троне.

Трактование тюркским философом критериев, которым должен соответствовать правитель, весьма строгих, надо заметить, критериев,

обусловлено системными взглядами Учителя на природу власти и общественного порядка. В понимании Фараби, идеальный правитель должен быть образцом для подражания по уровню эрудиции, нравственной чистоты и заботы о подданных. Мыслитель развил аристотелевскую модель государства и привнес в нее духовность; правитель у Фараби – не аморфная ипостась, не колосс недостижимый, скорее он воспринимается как живой человек, готовый развивать лучшие свои наклонности, причем в реальном мире таких же живых существ.

Безусловно, правитель у Фараби близок к идеалу, он воплощение справедливости и интеллектуального багажа, что коррелирует с качествами бия у тюркских народов и несомненно с личностью самого Учителя.

Рассуждения аль-Фараби о правителе актуальны, вследствие выраженной в них гармонии и совершенства того, на кого выпадает выбор судьбы. Фараби в действительности восходит к нравственным постулатам конфуцианства в части трактования образа правителя-отца нации Востока. Его взгляды прогрессивны и мятежны; поскольку Учитель, вместо восхваления монарших особ, занимавших престолы зачастую путем переворотов и братоубийств, создал своего рода Положение о требованиях к кандидату на занятие должности слуги народа. Будет ли кандидат избран и на какой срок, решает не он, даже не его покровитель или гвардия, а народ. Фараби впервые заложил теоретическую основу внедряемого в современных демократических государствах подхода к вопросам госслужбы, базу критического осмысления (аналитики), реалий политической ситуации своего времени и критериев отбора на право претендовать на участие в управлении государством.

Фараби – провидец. Его незаметный с первого взгляда посыл – в том, что будущих правителей надо обучать и воспитывать, чтобы было из кого выбирать лучшего. Историческая канва такого подхода обнаруживается в степной традиции тюрков - приставлять к малолетним султанам, наставников (аталык), которые учили языкам, традициям и азам управления. Традиция аталычества впоследствии была сохранена чингизидами, а ее отголоски обнаруживаются у народов Крыма, Кавказа и Центральной Азии.

В трактате «О правителе» Фараби искусно отразил степную дидактическую культуру взращивания правителей на основе традиционного знания, или идентичности.

Соответственно, в содержании трактата заложено априори, право выбора: не полагаться на случай, напротив, твердой рукой направлять и готовить, под патронажем аталыков, к ответственной миссии правителя.

Такой принцип, применимый в эллинском мире, был бы революционным в условиях халифата, потому Учитель скрывает основной посыл за ажурными слоями благочестия и внешней пригаженностью текста. Многослойность и возможность неоднозначного смыслового толкования Корана применена им как удобное средство сказать достаточно для понимающих, не искажая истины.

Степная традиция биев решать логические шарады, читать скрытый смысл словесных форм, подсказала Фараби маневр кодирования смысловой

нагрузки основного посыла в вуали хвалебных фраз, к коим привычен слух коронованных особ, от которых зачастую зависела судьба его творений и собственно, жизнь философа.

Казахская национальная интеллигенция Алаш к началу XX века идентифицировала тюркское происхождение Фараби и пропагандировала его научное наследие, ссылаясь на известные на тот исторический период в зарубежных переводах, трактаты Учителя. В исследуемый период большое влияние на творчество передовой интеллигенции Алаш оказала идея Туркестана (Турана), единения тюркских народов. Фараби как один из видных представителей интеллектуальной элиты Востока, автор классических фундаментальных трудов из разных областей знания, был предметом восхищения и примером для подражания нарождающейся плеяды активных борцов за автономию Алаш.

Такие сильные духом творческие личности, как Миржакып, Мустафа, Магжан, Смагул и другие, особенно после выхода в свет нашумевшей книги «Закат Европы» Освальда Шпенглера, видели будущее в пробуждении Азии. И Фараби олицетворял образ свободомыслия и величия разума, гармонии с природой и добродетельного общества. Из числа участников литературного процесса в Казахской республике полузабыто имя Утебая Турманжанова (1905-1978), который пострадал за изданные в соавторстве с С.Сейфуллиным труд по казахскому фольклору. Между тем, он является автором художественного полотна об Учителе, предназначенном для детского чтения. О. Турманжанов «Фараби туралы баллада» (опубликована в 1975 г.).

Услышанные молодой порослью Алаш, на рубеже 19 – 20 веков заветы аль-Фараби навечно вошли в стихотворные строки Магжана, чернилами вписаны в учебники Миржакыпа и публицистику Мустафы Шокая.

Казахские интеллигенты Алаш верили в пробуждение Азии, особенно с выходом в свет нашумевшей книги немецкого философа и культуролога Освальда Шпенглера «Закат Европы» (нем. *Der Untergang des Abendlandes*, 1918 год). Своими произведениями они внесли посильный вклад в всемирное фарабиеведение, активно пропагандировали базовые основы учения мыслителя. Их начинания должны были положить старт качественно новой инновационной парадигме степного знания еще столетие назад. Лишь воинствующий атеизм Советов, черное крыло «воронка» и гестапо приостановили триумфальное возвращение Учителя к жителям добродетельной Степи...

Фараби – непревзойденный Учитель для элит Востока, аталык, если угодно, и ключ к пониманию восточной ментальности. Его идеи просвещения через наблюдения и систематизацию получаемых экспериментальным путем, знаний, во имя познания истины, были передовыми для того времени. На рубеже 19 и 20 веков фарабиеведение переживало новый бум в Европе, по целому ряду причин, впрочем, тогда были популярны «искания» интеллигенции, такие, как толстовство и гандизм...

Код аль-Фараби не менее загадочен и притягателен, нежели код да Винчи, о котором вышли бестселлеры. Кроме Ануара Алимжанова, пока что

художественных шедевров об аль-Фараби соотечественники не опубликовали...

Хронометрические координаты локаций аль-Фараби (Отрар – Самарканд- Бухара- Багдад – Дамаск- Алеппо...) параллельны по времени возведения орхоно-енисейских рунических текстов, при том что содержание надписи Тоньюкука (8 век) в целом соответствует идее трактатов Фараби о сущности добродетельного правления. Обращение правителя тюрков к подданным с позиций отца-покровителя, ответственный подход к долгу и иные детали текста стелы Тоньюкука указывают на общность принципов правления в восточных социумах указанного исторического периода. Отличие же состоит в тенгризме древних тюрков, поскольку мусульманство на тот момент еще медленно распространялось на степном пространстве и не достигло сакрального Алтая и лежащих за ним к востоку, земель.

Переключка эпох – древнетюркской и времен расцвета наук в пределах халифата имела место как закономерность, обеспеченная историко-географическим фактором. Отсюда, Суфизм аль-Фараби, который, по мнению специалистов, настораживал ортодоксов ислама настолько, что после его кончины, на отпевание Учителя (жаназы) пришли самые близкие друзья. Наследуемый Тенгризм и приобретенный Суфизм, по-видимому, были направляющими конструкциями в мировосприятии Фараби, явно выделявшегося среди рядовых адептов учения Пророка.

Оно неизбежно грядет, Возвращение Учителя, и еще немало сокрытых истин станут явью, если взять на себя труд прикоснуться к великому гению Востока через струны его изобретений и завесу седых столетий. Для человечества Фараби – портал в космос Востока.

Идеалы мирного созидательного взаимно-полезного бытия, ставящего человека разумного в центр мироздания и доброжелательного к его потребностям, равно как и стимулирующего к труду во благо окружающих, изложенные рукой Фараби, выходца из Центральной Азии, есть квинтэссенция атмосферного микса степной широты с исламской аскезой суфизма, маргинальной (степь : город) ментальности с возвышенной верой в предназначение Человека.

Музыка степей и долин водоемов Центральной Азии с ностальгическим оттенком зазвучала в инокультурном пространстве как откровение, как аккорд к вступлению большого оркестра под названием Восток, для внимающих жителей Европы... Следы музыкальной и танцевальной культуры древних насельников Великой Степи и Восточного Туркестана между тем присутствуют в китайских хрониках, в коих сообщается о том, что в обмен на шелк и специи, в Поднебесную с берегов р.Или везли на верблюдах сотни искусных танцовщиц и музыкантов с инструментами (!). (о.Иакинф). А значит, и исламского влияния в названных местностях еще не ощущалось настолько, чтобы пресловутый «харам» мог воспрепятствовать фейерверку наслаждений жизнью и музыкой, который могли себе позволить жители населенных пунктов на трассах Шелкового пути...

Локальные радости и глобальные ценности, человеческое – и Абсолют... Уроженец Отрара, великий Мастер и чуткий пластичный дирижер собственной судьбы и оркестра исторических судеб преемников халифата, давно канувшего в Лету, сблизил и уравнил землян (в известных на тот момент географических пределах) единым знаменателем – нравственными началами и социальной этикой, опередив в действительности на десять столетий европейца Макса Вебера (который считается первооткрывателем социологии как научной отрасли).

...Музыка Фараби обещала глоток свободного вздоха и ритмичная поступь скакуна, небесную синь и пестроту восточного базара с его бойкими торговцами.

Математический счет и геометрия, медицина и фармакология, гигиена и многое другое Учителем исследованы для практических нужд жителей протяженной мультикультурной общности, вдоль магистрали под условным названием Шелковый путь.

Труды аль-Фараби – великий дар современникам и будущим поколениям, бессмертны как образцы гносеологических рефлексий, абсолютно свободных от религиозных догм.

Этико-социальная значимость учения аль-Фараби мультиплицировалась в трудах его учеников и последователей, развивших его взгляды в прикладных занятиях.

Социально-политические взгляды аль-Фараби, выраженные в трактате «Афоризмы государственного деятеля», будучи написаны еще в 10 веке, безусловно прогрессивны для своего времени и сопоставимы с более поздними (19-20 вв.) философскими взглядами Л.Н.Толстого в России и моделью непротивления злу насилием (сатьяграха) национального лидера Индии, Махатма Ганди. Это лишний раз подтверждает универсализм политики Учителя, намного опередившего время, изложив цивилизованные способы достижения благоденствия. Учение Фараби универсально и лишено каких-либо расовых и теологических ограничений.

Научный принцип аль-Фараби выше социальных барьеров, искусственно возводимых церковью и властными институтами, его идеи управления социумом, будучи в средние века переведены на латынь и иврит, стали достоянием евразийских сообществ и легли в основу более поздних политических учений и практики ненасильственной трансформации и развития массового сознания в бывших колониях держав (М.Ганди и Дж.Неру, М.Л.Кинг и Н.Мандела, др.).

...Утраченное Просвещение тюрков, как принято считать с недавних пор, благодаря аль-Фараби, простое до гениальности и жизнерадостное в своей основе, составило прочный фундамент Алаш-идеи рубежа 19 – 20 веков. После вынужденной паузы (а их немало в истории человеческой цивилизации) длиной в столетие и «ценой» репрессий, позитивная культура мышления Фараби ныне вполне может составить интеграционный код для его «малой» Родины - всей Центральной Азии.

Источники и литература:

Аскарбекова Н.М., Замзаева Т.А. Араб графикасымен басылған қазақ кітаптарының каталогы (1841-1932). Алматы: «Қазақстаника», 2006. – 176 бет.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1986. — 254 с.

"يڭى تۈركسۇدان" (Ени Туркестан) // INALCO. L'Archives de Moustafa Chokay Bey. Carton 6. Dossier 5. PP. 109-112.

Бертельс Е. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э. // «Новый мир» (Москва). 1939. № 6. (№ 9. – Г.М.)

Еврейская энциклопедия. Под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Гинцбурга. Том 7. Издание Брокгауза и Ефрона. С.-Пб.,

Калыбекова А. Народная мудрость казахов о воспитании. – Алматы, 2011.

Крачковский И. Ю. Арабистика в СССР за 20 лет. Труды второй сессии ассоциации арабист . М.: Академия наук СССР, 1941. 174 с.

Мағжан Жұмабаев энциклопедиясы. Бас редактор Ж.Сүлейменов. – Алматы: «Асыл кітап» баспасы, 2018. 429 бет.

Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Сочинения. Москва — Ленинград, 1934. (Первый перевод «Государя» и статья А.К.Дживилегова).

Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей Института народов Азии и Африки Академии Наук СССР. Выпуск 2. Географические сочинения. Ответственный редактор В.И.Беляев. М.: ИВЛ, 1961.

Турманжанов Ө. Фараби туралы баллада: 2 томдық / Ө. Турманжанов // Шығармалар. Алматы, 1975. 2-том: Жырлар мен сырлар.

Уралбаев Ж.А. Қазақ жерінің зиялы азаматтары. Алматы: Дәуір, 2002. 5-ші кітап. 40-41 бет.

Шоқай Мұстафа - Мұстафа Шоқайдың 12 томдық шығармаларының толық жинағы. Алматы: «Дайк-Пресс», 2012 – 2014.

Энциклопедия Айқап. Бас редакторы Р.Нұрғалиев. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1995. 367 бет.

Al-Farabi. Idees Des Habitants De La Cite Vertueuse. Institut Francais, 1949. Encyclopaedia Britannica (al-Fārābī Muslim philosopher). [Электронный ресурс]: <https://www.britannica.com/biography/al-Farabi>. [In English]

Carra de Vaux. Les Peaseurs de l'Islam. Paris: "Paul Geuthner", 1921. [In France]

[Al-Farabi] Catálogo De Las Ciencias, Madrid: Imp. De Estanislao Maestre, 1932. [In Spanish]

[Al-Farabi] Catalogo De Las Ciencias. Edicion y traduccion Castellana por A. Gonzalez Palencia. Madrid, 1953. [In Spanish]

China, Xinjiang and Central Asia: History, Transition and Cross border Interaction into the 21st century. Edited by Colin Mackerras, Michael Clarke. Routledge, 2009. P.68. [In English]

Der Musterstaat. Translated by Friedrich Dieterici. Leiden: E. J. Brill, 1895. [In German]

Dr. Friedrich Dieterici [Al-Farabi] Risala fi Ara' Ahl al-Madinat al-Fadhila (الفاصلة المدينة اهل آراء في رسالة) Thesis about the Opinions of the Residents of the Distinguished City (Arabic). Leiden: Dar Sader, 1895. 85 p. [In German]

d' Erlanger, Rodolphe. La musique arabe: tome premier. Paul Geuthner, 1930. 329 p. [in French]

d' Erlanger, Rodolphe. La musique arabe: tome deuxième. Paul Geuthner, 1935. 310 p. [in French]

Farmer, H. The Influence of Al-Farabi's "Ihsa' al-'ulum" (De scientiis) on the Writers on Music in Western Europe // Journal of the Royal Asiatic Society, 64(3), 561-592. [In English]

Idées des habitants de la cité vertueuse. Translated by Karam, J. Chlala, A.Jaussen. Cairo, 1949. [In France]

Matti Moosa. A Tribute to Bishop Mor Gregorius Bulus Behnam (1914-1969).

Polak, Fred. The Image of the Future. Translated and Abridged by Elise Boulding. Elsevier Scientific Publishing Company. Amsterdam • London • New York, 1973. [In English]

Rachel Harris. The Making of a Musical Canon in Chinese Central Asia: The Uyghur Twelve Muqam. London: Routledge. 2008. 176 pages.[In English]

Robert Hammond, The Philosophy of al-Farabi and Its Influence on Médiéval Thought. New York: Hudson Press, 1947. [In English]

Stanford Encyclopedia of Philosophy (al-Farabi) [Электронный ресурс]: <https://plato.stanford.edu/entries/al-farabi/> [In English]

The ideal State / Society of Plato and al-Farabi: A comparative analysis
Muhammad Rafiqul Islam // International journal of Islamic thoughts, 2, 2013. [In English]